

Е.В. Бунина
E.V. Bunina

МЫСЛЬЮ О РОССИИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ А.Е. ЧЕРНОВОЙ «ЛИРИКА НИКОЛАЯ РУБЦОВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ»

BY THE THOUGHT OF RUSSIA. REFLECTIONS ON THE BOOK BY A.E. CHERNOVA «LYRICS BY NIKOLAI RUBTSOV IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN FOLK TRADITION»

Чернова А.Е. Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции. М.: «Издательский дом ЯСК», 2024. 304 с.

*Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком,
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!*

Как бы шутейно и с иронией в отношении собственной поэтической значимости звучит этот незатейливый «экспромт» Николая Михайловича Рубцова, где, на первый взгляд, речь идет лишь о желании поэта остаться в народной памяти²¹⁹. Однако за очевидным первым смысловым планом стоит второй, который раскрывается по мере того, как мы проделываем вместе с героем стихотворения этот воображаемый неблизкий путь. Желание жить в *своем* народе — вот его цель. И невольно задумываешься о том, почему русскому человеку второй половины XX в. нужно для этого преодолеть не только пространство, т. е. физическое расстояние, отделяющее деревню и провинцию от столичного города, но и время, а также пройти определенный духовный путь («пройти по волоку с мешком» можно считать символом этого духовного трудничества).

Совершенно очевидно, что творчество Н.М. Рубцова было бы невозможно без чувства «самой жгучей, самой тесной связи» с родной природой русского севера, Архангельской области, Вологодчины, с укладом жизни русской деревни²²⁰. Рубцов действительно «жил в своем народе».

²¹⁹ Экспромт. С. 67. Здесь и далее стихотворения Н.М. Рубцова цитируются по изданию: Рубцов Н. «В минуты музыки печальной...»: Стихотворения. СПб.: «Азбука», «Азбука-Аттикус», 2023.

²²⁰ Тихая моя Родина (В. Белову). С. 79.

Он был узнан, распознан, любим. Скромные книжечки стихов, прижизненные издания 1960-х — начала 1970-х гг. имелись на книжных полках в тех домах, где также, как он сам, чувствовали самую глубокую связь с русской народной традицией.

Распознавание читателем на обыденном уровне происходит интуитивно: считывается образ, настроение, интонация, музыкальный ритм, верно подобранное слово и даже постановка темы — те самые ключики к архетипу и ментальности, которые не требуют доказательств, что перед нами не чужак, играющий красным словцом и оборотами хорошо усвоенного, но, увы, неродного языка. Сложнее работать с поэтическим, художественным материалом, когда требуется не только почувствовать, но и понять, когда требуется обосновать, расшифровать эти образы, выстроить их в цельную картину, отражающую мировоззрение творца, понять его истоки и тем самым доказательно вписать его в ту или иную культурную традицию, оценить его вклад, попытаться реконструировать исторические, философские взгляды поэта, писателя. Для этого современным историкам зачастую не хватает того инструментария, которым владеют, в частности, филологи. В этом наглядно убеждаешься, неторопливо читая замечательную книгу Анастасии Евгеньевны Черновой «Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции».

Эта работа раскрывает новую глубину в понимании истоков и смыслов наследия русского поэта советского времени. Значение исследования, проведенного А.Е. Черновой, не ограничивается рамками филологической науки, литературоведения и рубцоведа, о чем говорят и авторы предисловий к монографии²²¹. Оно носит междисциплинарный характер потому, что выходит на такие ключевые вопросы исторической науки, как национальное сознание и методы его изучения. Именно поэтому книга рекомендована для прочтения не только неравнодушным к указанной исторической проблематике, но и тем, кто занимается теоретико-методологическими вопросами исторических исследований.

Особенное внимание автор книги уделяет раскрытию и анализу таких категорий, как «архетип» и «ментальность». Наблюдение о том, что архетип народа един, но ментальность, присущая разным социальным группам, разнится, ставит, вообще говоря, вопрос о самой возможности восприятия потомками того послания, которое передает нам Рубцов. А если взглянуть шире — в целом того социального опыта, носи-

²²¹ Владимир Чувикин, протоиерей. Формулы национального сознания; Даренский В.Ю. Поэзия из недр народного духа // Чернова А.Е. Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции. С. 7–13.

телем которого было крестьянство и та часть населения России, уклад жизни которой определялся связью с деревней. Кто способен воспринять, наследовать это знание? Очевидно, что круг духовных наследников в силу целого ряда причин заведомо ограничен. Не об этом ли страхе утраты преемственности душевные переживания поэта: «В этой деревне огни не погашены. Ты мне тоску не пророчь!»²²²

Является ли творец в своем произведении выразителем народного архетипа или ментальности определенной социальной группы? Важнейший вопрос для понимания роли и значения поэта, писателя, композитора, художника в национальной культурной традиции. О двух типах художников размышлял высоко ценивший Рубцова его старший современник композитор Г.В. Свиридов, большой знаток русской литературы, глубоко чувствовавший музыкальность в поэзии. Свиридов писал, что «есть поэты национальные (народные). Они никому не служат, но выражают дух нации, дух народа, на него же опираясь»²²³. Подобного типа художники могут быть, разумеется, в любом народе, если есть предпосылки к их появлению, время как бы само рождает их». К этому типу поэтов он относил А.А. Блока, С.А. Есенина, Н.М. Рубцова, а из композиторов — М.П. Мусоргского, Н.А. Корсакова, С.В. Рахманинова... «Второй тип художника — *прислуга*. Такой поэт или художник служит силе, стоящей над народом и, как правило, чужеродной силе. Под видом национального беспристрастия, «интернационализма» в его, главным образом, американском понимании он служит интересам обычно чужой нации, стремящейся установить свое господство над коренным народом. Примеров этому — много»²²⁴.

Возвращаясь к теме исследовательского инструментария А.Е. Черновой: самого пристального внимания заслуживает категория «этнопоэтические константы», содержание которых формируются установками фольклорного сознания. «Причиной возникновения этнопоэтических констант, постоянных, традиционных элементов фольклорного сознания, является особый способ обобщения реальности, т. е. художественный метод фольклора, отличающийся высоким уровнем типизации... Константы не только формируют определенные образы, но также соединяют взгляды автора с народным мировосприятием и пониманием действительности»²²⁵. А.Е. Чернова показывает прямое сходство рубцовских текстов с произведениями устного народного творчества: историческими песнями, былинами, сказками,

²²² Зимняя песня. С. 118.

²²³ Здесь и далее курсив автора.

²²⁴ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М.: «Молодая гвардия», 2002. С. 374–375.

²²⁵ Чернова А.Е. Лирика Николая Рубцова... С. 218.

которые для историков имеют ценность устных исторических источников. Сопоставление этнопоэтических констант лирики Рубцова, его предшественников и современников позволяет автору сделать вывод о принадлежности Рубцова к русской классической поэтической традиции.

«Нет, связь молодых поэтов с великой классикой — связь глубинная, органическая, кровная, — размышлял Свиридов о поэзии Рубцова. — Это связь по сути, по существу дела, по содержанию творчества, по сокровенности, а не по манере. Стилевая переключка: возврат к глубокой простоте, простоте, над которой надо думать и которую надо почувствовать, отказ от всякого эффекта, от всяких “модернистских завитушек”, от эстрадного кликушества, никакой демагогии. Выстраданное сердцем слово, глубокая мысль, чувство Родины как целого — вот приметы этой поэзии. Отсюда ее возвышенный тон, строгий и лишенный какой-либо выпренности, острое ощущение нашего времени, не в деталях и частных приметах, а во внутреннем ее движении. Отсюда — ощущение жизни не только по касательной, не только — сегодняшнего дня, но и *чувство истории, чувство движения, чувство неразрывности и бесконечности жизни*»²²⁶.

Между тем Н.М. Рубцов был человеком своего времени. Рожденный в 1936 г., на войну он, как тогда говорили, не успел. Но в его ранней биографии было много жизненных обстоятельств, общих для детей этого поколения, которых называли «подранки», т. е. «раненные войной»: безотцовщина, сиротство, голод, жизнь в детском доме, бедность. И одновременно с этим чувство безоглядной любви к советской родине, которая не бросает своих детей и сирот, гордость за ее величие, успехи, размах. Именно поколение Рубцова можно считать первым в полном смысле этого слова советским поколением, получившим соответствующее воспитание и образование. Парадоксальность исторического момента состояла в том, что советское образование, черпая, насколько это позволялось, из колодца достижений классической русской школы и дворянской культуры, носившей все же элитарный характер, стало доступным для широких слоев населения и легло на благодатную почву открытых к знанию, жаждущих его умов. Появилось первое образованное поколение людей «из народа», новая плеяда творцов, зачастую выходцев из села, генетических носителей традиции народной, корневой, воспитанных на лучших образцах русской культуры, способных воспринять и оценить произведения авторов не только пушкинского золотого, но и сложного, индивидуалистического, рафинированного серебряного века, начитанных, а в случае с Рубцовым — хорошо знавших

²²⁶ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 237.

и европейских, французских поэтов²²⁷, а также имевших собственный взгляд на природу, характер и культуру советской эпохи. Может быть, потому одаренный душой, «которая хранит всю красоту былых времен»²²⁸, остро чувствующавший разницу между старой и новой Россией и жалеющий о том, чего уже не вернуть, Рубцов вместе с тем неоднократно озвучивает мысль о преемственности времен, о том, что он дитя своей эпохи, в которой тоже есть много хорошего, что ему и «новое мило». «С моста идет дорога в гору. А на горе — какая грусть! Лежат развалины собора, как будто спит былая Русь. Былая Русь! Не в те ли годы наш день, как будто у груди, был вскормлен образом свободы, всегда мелькавшей впереди! Какая жизнь отливала, отгоревала, отошла! И все ж я слышу с перевала, как веет здесь, чем Русь жила. Все так же весело и властно здесь парни ладят стремяна, по вечерам тепло и ясно, как в те былые времена...»²²⁹

В Рубцове соединялось индивидуальное, личное, данное только ему и типичное, свойственное людям его времени, определяемое общими условиями жизни. Бесприютность, неприкаянность, бездомность в прямом смысле этого слова почти до последних дней — чего в этом было больше? Бытовой непрактичности, неумения материально обустроить свою жизнь, обойдя внешние препоны и «вписавшись» в систему? Поощряемого официальной пропагандой социального и личного аскетизма? На официальном уровне осуждались «мещанство», «вещизм», «накопительство», т. е. привязанность к материальным благам. Или некой дани богомности, отпечатка особой атмосферы литературных столичных кругов 1960-х гг.? Или же это было проявлением духа русского странничества с его надмирностью? Ходили ведь еще и после войны по городам и деревням России странники как в царские времена — автору этих строк лично довелось слышать о них в воспоминаниях очевидцев. Может быть, и Рубцов был словно странник нового времени, калика переходящий, поющий свои духовные песни и былины под гармошку. «Уж сколько лет слоняюсь по планете! И до сих пор пристанища мне нет...»²³⁰ — написал 20-летний юноша.

Тем временем на смену «слякоти» второй половины 1950-х и «твистующим» 1960-м пришла эпоха брежневского «застоя». «Эпоха брежневского консерватизма была не так уж плоха, — вспоминал на очередном историческом витке, уже в 1990-е гг. Г.В. Свиридов. — Это была эпоха *глубоких предчувствий*. В ней вызревала большая национальная

²²⁷ Чернова А.Е. Лирика Николая Рубцова... С. 163.

²²⁸ Душа хранит. С. 26.

²²⁹ По вечерам. С. 27.

²³⁰ Уж сколько лет слоняюсь по планете. С. 389.

мысль, находившая себе самое сильное творческое выражение. Я имею в виду творчество Ф. Абрамова, В. Шукшина, плеяды поэтов: Н. Рубцова, А. Передреева, С. Куняева, А. Прасолова, Вл. Соколова, О. Чухонцева ... Викт. Астафьева, В. Белова, Ю. Бондарева, Е. Носова, В. Крупина, В. Распутина, русскую критику: В. Кожина, М. Лобанова, В. Гусева... В нем, том времени, *вызрела национальная идея как сокровенная, как религиозная идея*. В условиях адской жизни, где все противостояло национальному сознанию — и государственно-партийные доктрины, и сама художественная среда... в значительной мере сращенная с этими доктринами...»²³¹

Писателей и поэтов, вышедших из российской глубинки и поставивших в 1960-х — 1970-х гг. на повестку дня тему состояния русского села, в литературной критике называли «деревенщиками», а само литературное течение получило название «деревенская проза». Не берусь утверждать, что Николая Рубцова однозначно относили к этому направлению. Но, как прозорливо и обнажая саму суть явления возражал создателям термина «деревенская проза» В.М. Шукшин, никакой собственно «деревенской» темы нет, а есть одна главная проблема, и это проблема, подчеркивал он, «государственная»: проблема русского народа, его исторической судьбы и будущего. Это будущее наша национальная мысль безусловно связывала с сохранением села как социального, бытового, хозяйственного и духовного уклада жизни русских людей. «Дом. Это понятие для горожанина расплывчато. Дом — то ли все многоквартирное и многоэтажное сооружение, то ли своя лишь квартира, комната. Тыщи лет человек жил собственным домом, а затем почти в одночасье нас сселили в своеобразные общежития с отдельным входом (в лучшем случае), и почему-то решили, что это пройдет даром, без социальных последствий. Нет, вопрос остается открытым, «почти неизученным», — рассуждал В. Белков.²³²

Наиболее часто в поэзии Н. Рубцова проявляются «константы, составляющие образ Родины, которые выражают как глубоко личные, так и общенародные чувства к родной земле, к природе, к окружающим людям», — подмечает А.Е. Чернова²³³. По тематике сюжетов, обозначенных вопросов и проблем Рубцова с полным основанием можно отнести к мыслителям, к тем представителям отечественной культуры, каждый из которых своим, наиболее близким для себя способом познания и языком выражения (художественное слово, изобразительное искус-

²³¹ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 571–572.

²³² Белков В. Повесть о Вологде. 100 историй о Николае Рубцове. Вологда, 1991.

²³³ Чернова А.Е. Лирика Николая Рубцова... С. 218.

ство, музыка, научная мысль) пытался осмыслить и донести до публики образ исторического пути русского народа и России. Интеллигенция «из народа» в целом после войны вышла на историческую сцену с новым уровнем национальной рефлексии. У кого-то социальная проблематика в творчестве звучала более остро. Так, почти физически осязаемо, личной болью отзывался В. Шукшину тот этап истории села, который начался в «год великого перелома» — в 1929-м; это был и год рождения писателя. Сплошная коллективизация и раскулачивание уничтожили самую лучшую, активную, предпринимательскую часть русского крестьянства, тем самым был подорван жизненный потенциал народа. Вообще, Шукшин в своих оценках советского строя был более резок и категоричен, тогда как у Рубцова тема социальных катаклизмов почти не слышна. В его «тихой лирике» скорее тревожные думы, общее переживание того, как чуждая культура неотвратимо наступает на традиционную, тоска по утрачиваемой «старине»: «Ах, город село таранит! Ах, что-то идет на слом!..». Окидывая взглядом родные пейзажи, поэт постоянно останавливается на печальном зрелище полуразрушенных храмов с провалившимися куполами и поросшими травой кровлями, и эта «мерзость запустения» вызывает у него острое чувство, пожалуй, самой главной утраты.

*Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнывает мели.*

*И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье меж этих померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..*

*О сельские виды, о дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная синяя птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!*

*Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!²³⁴*

²³⁴ Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны... С. 9–10.

Духовная коррозия в обществе беспокоила и тревожила наших мыслителей. Это состояние подмечал и очень точно передавал В. Шукшин, говоря, что «современный деревенский житель — он уже и не деревенский вовсе», что комфорта в деревенском быту становится больше, а «благости меньше» (рубцовские «злобные деревенские старухи» — это тоже пример утраты «благости»), что, уехав из деревни, деревенский житель «городским стать до конца не может». «Меня все терзают грани меж городом и селом», «но хочется как-то сразу жить в городе и в селе», — вторит ему Рубцов²³⁵. Стоит ли сомневаться, что в равной степени и тот, и другой описывали и собственное душевное состояние «раздрая». Душа русского человека на изломе советской эпохи оказалась словно сжатой до предела пружиной, втиснутой в узкий зазор, в ту дельту, что осталась между селом, из которого он ушел, где-то вынужденно, где-то по доброй воле, и городом, в котором он так и не смог в полной мере почувствовать себя своим. «Размытый путь и вдоль кривые тополя» — очень говорящий образ из стихотворения²³⁶, ставшего народной песней, образ, по всей видимости, характеризующий не только внутреннее состояние поэта, но и восприятие им вектора общественного развития, духовного состояния общества. В связи с этим интересно признание Н. Рубцова из предисловия к сборнику стихов «Волны и скалы» (1962 г.): «Четкость общественной позиции поэта считаю не обязательным, но важным и благоприятным качеством. Этим качеством не обладает в полной мере, по-моему, ни один из современных молодых поэтов, это — характерный знак времени. Пока что чувствую этот знак и на себе»²³⁷.

Со времени «деревенщиков» прошло уже почти полвека. Ныне в активной жизненной фазе поколение их детей, внуков и даже правнуков. Они становятся свидетелями и невольными заложниками последствий как тех негативных тенденций, о которых размышляли наши предшественники, так и совершенно новых вызовов эпохи глобализма. Но многие ли наши современники способны на такие же «глубокие предчувствия», многие ли смогут оценить всю серьезность происходящих процессов и хотя бы духовно противостоять им? Русский север и северо-запад, «тихая родина» Н. Рубцова, равно как и Владимирская земля, испокон веков бывшая историческим центром Руси, население которого составляло «государственно мыслящее русское крестьянство», стоят, по последним данным, в ряду регионов России с самым низким

²³⁵ Грани. С. 157.

²³⁶ Отплытие. С. 184. У Рубцова: «Размытый путь. Кривые тополя».

²³⁷ Коротко о себе (Предисловие к сборнику «Волны и скалы») // Рубцов Н. «В минуты музыки печальной...» С. 5–6.

показателем естественного прироста населения. Рассуждения о том, что «Вологда кончилась в самом начале 60-х годов, когда при Хрущеве стали строить больше каменного жилья, перебирались в города разоренные крестьяне и Вологда переросла естественные для города размеры... перестала быть единым и целостным организмом... стала повторяться — появился второй театр, вторая и третья баня, двадцатая школа...»²³⁸, при современном прочтении вызывают противоречивые эмоции: масштабы нынешнего строительства городских «человейников» людям того времени не снились и в страшном сне. Хочется быть оптимистами и верить, что дело не дойдет до воплощения самых мрачных мыслей, высказанных поэтом Ю. Кузнецовым: «Искусства нет — одни новации. Обезголосел быт отцов. Молчите, Тряпкин и Рубцов, поэты русской резервации». И если во времена «деревенщиков» была надежда на то, что поддержание сельского уклада жизни сохранило бы и народ, и государство, то при характере нынешних социальных процессов, когда размываются уже старые ментальности и формируются новые, очевидно, что населению, массово перебирающемуся в города, и даже тем, кто совершает дрейф в обратном направлении и «практикует деревнинг», кроме национальной культурной и духовно-религиозной традиции опереться практически не на что.

Поэзия Николая Рубцова — неотъемлемая часть русской национальной культурной традиции. Утонченный строй души, романтизм, «тихая лирика», «простота, над которой надо думать» — может быть, поэтому Рубцов при этом был и остается поэтом не для всех? У нас нет фильма о Рубцове²³⁹, единственная одноименная постановка в столице идет на подмостках Русского духовного театра «ГЛАС»²⁴⁰. Авторы же биографических и даже литературоведческих исследований долгое время словно были не в состоянии вырваться из-под гипноза мрачных обстоятельств кончины поэта. На этом фоне книга А.Е. Черновой — светлый отклик на тот свет, который выступает как «воплощение наиболее глубокой сути рубцовой поэзии, притом как одно из основных, если не самое основное воплощение этой сути»²⁴¹. И от радно узнать, что о Рубцове «сейчас пишут много — он стал признанным классиком, вокруг которого уже создается своя научная “индустрия”»²⁴².

²³⁸ Белков В. Повесть о Вологде...

²³⁹ В документальном фильме «Вологодский романс» (1992, реж. А. Сидельников) лирика Рубцова — лишь один из сюжетов.

²⁴⁰ Премьера спектакля «Николай Рубцов» состоялась в 2012 г.

²⁴¹ Слова В. Кожина, приведенные А.Е. Черновой. С. 94.

²⁴² Даренский В.Ю. Поэзия из недр народного духа. С. 9.

В завершение хотелось бы еще раз обратиться к книге Анастасии Евгеньевны, в частности, к последней главе, посвященной этнопоэтической константе фольклорной идеальности мира. Читаем: «*Фольклорная идеальность мира — важнейшая константа, связанная с народно-песенным способом мышления*». Она «формирует такое пространство и время, в которых мечта и реальность слиты воедино. Это идеальное царство, существующее по своим внеземным законам, оно герметично по отношению к новым духовным веяниям и не содержит внутри себя принципа дуализма»²⁴³. Жанр повествования в данном случае выступает лишь одним из вариантов интерпретации действительности. И далее: «В фольклорной и литературной традиции идеальное пространство возникает, как правило, из особой *аксиологической устремленности к преодолению бытового осмысления событий*»²⁴⁴.

Видимо, русскому национальному сознанию в большей степени свойствен именно народно-песенный способ мышления. Стремление к преодолению бытового уровня осмысления происходящего, поиск духовных смыслов исторических событий находим уже у авторов первых древнерусских исторических произведений. В контексте народно-песенного способа мышления образ идеального мироустройства оказывается и способом познания, и самим знанием о ценностной системе народа. Не отсюда ли берет начало идеализация крестьянского уклада, ностальгия по былой старине, ушедшей деревне, в которой жили люди, одаренные особой духовностью?..

«Противопоставление нового, временного «духовного устройства непреходящему и старинному, глубинному чувствованию скрытых реальностей»²⁴⁵ было важнейшим поэтическим импульсом для творчества Николая Рубцова. Этим же импульсом движима историческая мысль, «мыслящая» Россию в согласии с национальной культурной традицией.

Список литературы

1. Белков В. Повесть о Вологде. 100 историй о Николае Рубцове. Вологда, 1991.
2. Бунина Е.В. Он родился в середине двадцатого (Мировоззрение В.М. Шукшина) // Философия хозяйства. Специальный выпуск. 2006, декабрь. Ч. 3. М., 2006. С. 140–151.
3. Рубцов Н. «В минуты музыки печальной...»: Стихотворения. СПб.: «Азбука», «Азбука-Аттикус», 2023.

²⁴³ Чернова А.Е. Лирика Николая Рубцова... С. 176.

²⁴⁴ Чернова А.Е. Лирика Николая Рубцова... С. 178.

²⁴⁵ Чернова А.Е. Лирика Николая Рубцова... С. 220.

4. Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М.: «Молодая гвардия», 2002.

Сведения об авторе

Бунина Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского. E-mail: evb76@mail.ru

Information about the author

Bunina Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management. E-mail: evb76@mail.ru